

II.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора «Исторіи отечественной войны 1812 года». Томы V и VI. Спб. 1871.

(Статья восьмая.)

XIII.

Въ числѣ причинъ, побудившихъ императора Александра I отказаться отъ либеральнаго направленія въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, авторъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, указываетъ на «сатурналии втораго варшавскаго сейма».

Да, присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Россіи, въ награду за колоссальныя жертвы, принесенныя русскими народомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, послужило источникомъ многихъ и многихъ огорченій для государя, такъ благоволившаго полякамъ, такъ искренно вѣровавшаго въ возможность братскаго слиянія ихъ съ русскими, и надѣлало всей имперіи много серьезныхъ хлопотъ. Присоединяя къ своей монархіи герцогство Варшавское, завоеванное русскими оружіемъ, императоръ Александръ даровалъ полякамъ такія свободныя учрежденія, о которыхъ они не смѣли и помыслить послѣ своей рабской зависимости отъ повелителя французовъ, и потому неудивительно, что провозглашеніе конституціи 9-го (21-го) іюня 1815 г. возбудило между поляками общій восторгъ. Но самое образованіе Царства Польскаго было принято въ Варшавѣ довольно холодно. Можно сказать, не впадая въ преувеличеніе, что поляки герцогства Варшавскаго, уже на другой день поступленія своего подъ верховную власть Россіи, начали обнаруживать своимъ враждебныя чувства, строить козни и готовиться къ революціи. Извѣстно, что они получили право имѣть свою собственную армію и что вновь сформированная польская армія была ввѣрена цесаревичу великому князю Константину Павловичу. Тутъ и обнаружались первые признаки тѣхъ противодѣйственныхъ элементовъ, которые, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, неустанно работали въ извѣстной средѣ польской націи съ цѣлью отложенія отъ главенства Россіи. Историкъ рассказываетъ: «Великій

Т. LXXXI. Отд. II.

1

князь имѣлъ справедливо-заслуженную славу отличнаго организатора войскъ и въ короткое время довелъ ввѣренную ему польскую армию до совершенства въ высокой степени. Къ сожалѣнію, добрый, но вспыльчивый и неровный характеръ его возбудилъ неудовольствіе подчиненныхъ, и въ особенности между польскими офицерами, отвыкшими, въ продолженіе своего скитальчества подъ знаменами Наполеона, отъ соблюденія строгой дисциплины и считавшими всякое взысканіе по службѣ за нестерпимую для себя обиду. Случилось на смотру, во время пребыванія въ Варшавѣ великой княгини Екатерины Павловны и наслѣднаго принца Виртембергскаго, что цесаревичъ, разсерженный многими ошибками двухъ офицеровъ, поставилъ ихъ во фронтъ за рядовыхъ. Люди недоброжелательные къ великому князю воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать противъ него демонстрацію, и открыли общую подписку въ пользу наказанныхъ офицеровъ, которые, по словамъ ихъ, не могли долѣе оставаться на службѣ и должны были подать въ отставку. Напрасно генералъ Петровскій и нѣсколько другихъ военныхъ отказались отъ участія въ подпискѣ, говоря, что офицеры не могли считать себя обезчещенными, будучи поставлены въ строй за солдатъ. — «Я самъ началъ службу солдатомъ и считаю это себя за честь», сказалъ Петровскій; но всѣ такіа утѣшенія не могли образумить пылкихъ юношей. Вслѣдъ затѣмъ, адъютантъ генерала Красинскаго, Вильчекъ, застрѣлился; другой офицеръ покушался повѣситься, но былъ спасенъ своими товарищами. Новосильцевъ (Николай Николаевичъ, русскій комисаръ), опасаясь еще худшихъ послѣдствій, рѣшился писать государю, прося его вывезать великаго князя, подъ какимъ-либо предлогомъ, въ Петербургъ; но, между тѣмъ, Константинъ Павловичъ, желая разъ навсегда положить конецъ подобнымъ происшествіямъ, отправился съ генераломъ Бурутою въ казарму полка, въ которомъ служили обидѣвшіеся офицеры, и тамъ, въ присутствіи полковника и прочихъ сослуживцевъ ихъ, объявилъ имъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія обезчестить достойныхъ офицеровъ, и что взысканіе, которому они подверглись, не было постыдно. — «Если правда то, что я слышалъ», прибавилъ цесаревичъ, «будто бы ваши офицеры не хотятъ служить съ вами, и что это побуждаетъ васъ проситься въ отставку, то предлагаю вамъ удовлетвореніе на чемъ угодно». Этотъ великодушный поступокъ цесаревича заставилъ офицеровъ броситься къ ногамъ его съ увѣреніями неограниченной преданности и усердія». (VI, 147—149).

Открытіе перваго сейма въ Варшавѣ (1818), и рѣчь, произне-

сенная; но в этом случае, государь, должны были бы увѣрить поляковъ, что никто и не думалъ о ихъ порабощеніи, и что все было направлено къ дарованію имъ свободы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нѣтъ! вѣковая ненависть къ Россіи дѣлала для нихъ невозможною мысль жить подъ державою русскаго царя.

Любопытныя подробности, сообщаемыя историкомъ о рѣчи императора Александра. Проектъ рѣчи государь далъ прочесть предварительно, еще въ Москвѣ, графу Каподистрии и разрѣшилъ ему высказать замѣчанія и возраженія по двумъ предметамъ капитальной важности: по поводу предложеннаго государемъ сравненія между Польшею и Россіей и касательно обѣщанія присоединить къ Царству Польскому западныя губерніи, давно вошедшія въ составъ нидерландовъ. Императоръ Александръ не былъ, однако, доволенъ замѣчаніями своего министра, и хотя предложилъ ему написать новый проектъ рѣчи, но и новый проектъ остался недоволенъ. Въ Варшавѣ, за два дня до открытія сейма, государь, сказавъ Каподистрии: «своя рѣчь», прочиталъ вслухъ написанную собственноручно карандашемъ записку, вручилъ ее министру и прибавилъ: — «Дамъ вамъ полное право расположить фразы согласно съ грамматикою, разставить точки и запятые, но не допущу никакихъ другихъ измѣненій». Каподистрія, исполнивъ высочайшую волю, рѣшился, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ написать другой проектъ, въ которомъ исключалъ, или измѣнялъ все то, что, по его мнѣнію, могло возбудить въ имперіи и въ западныхъ губерніяхъ понятія несообразныя съ пользами правительства, и на другой день поднесъ императору оба проекта. Прочитавъ ихъ и помолчавъ съ минуту, государь сказалъ своему министру: — «Вы все-таки остаетесь при своемъ. Это болѣе нежели настойчивость! Напрасно вы трудились; благодарю васъ, но предпочитаю мой проектъ вашему». Каподистрія умолялъ императора выслушать его и объяснилъ причины, побуждавшія его быть настойчивымъ. «Все это хорошо, прекрасно», отвѣчалъ Александръ, «но я не измѣню своего убѣжденія. Впрочемъ, подумай до-завтра: нельзя ли изъ двухъ проектовъ составить третьяго». Въ тотъ же день, вечеромъ, призвавъ къ себѣ министра и вручая ему записку, сказалъ: «Прикажите вашему Миллеру переписать мою записку набѣло по-крупнѣе: это рѣчь, которую я прочту завтра...» Оказалось, что императоръ Александръ замѣнилъ лишь нѣсколько своихъ фразъ другими изъ проекта графа Каподистрии, но сущность оставилъ прежнюю, и въ такомъ смыслѣ была произнесена, на французскомъ

являть, 15-го (27-го) марта, рѣчь при открытіи перваго конституціоннаго сейма въ Царствѣ Польскомъ.

Въ ней, между прочимъ, было сказано:... «Народъ, который вы представлять призваны, наконецъ, получилъ собственное бытіе, обеспеченное созрѣвшими и временемъ освященными уставами... Россія, послѣ бѣдственной войны, воздавъ, по ученію христіанской нравственности, добромъ за зло, простирала вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ выгодъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно несть *возстановить храбрыи и достойный народъ*... Устройство, уже существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я даровалъ вамъ, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, неперестававшихъ быть предметомъ моихъ заботъ, и до которыхъ благотворное вліяніе надѣюсь я, съ помощію Божіей, распространить на всь страны, *Провидѣніемъ попеченію можемъ овладѣть*. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что уже издавна я ему готовлю, и чѣмъ оно воспользуется, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнуть надеждающей зрѣлости... Помните! Отъ васъ самихъ зависитъ, оставя гребельныя предубѣжденія, упрочить ваше возрожденіе. Оно неразрывно соединено съ судьбами Россіи... Ваше возстановленіе опредѣлено торжественными договорами и утверждено конституціонною хартіей. Неварушимость международныхъ обязательствъ и кореннаго закона дадутъ отнынѣ Польшѣ почетное мѣсто между державами Европы...»

Въ Россіи эта рѣчь не могла произвесть благопріятнаго впечатлѣнія въ равныхъ кружкахъ, какъ то видно изъ отзывовъ современниковъ. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, но только хорошему... Спать и видать конституцію, судять, ридать; начинаютъ и писать—въ «Сынѣ Отечества», въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смѣшно, и жалко! Но будетъ, чему быть!... Знаю, что государь желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія... Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ срдцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію...» Нѣкоторые изъ тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей полагали, что императоръ, выразивъ намѣреніе распространить данныя посяданія Царства свободныя учрежденія и на подданныхъ Имперіи, имѣлъ въ виду освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ.

Больше всего встревожило русскихъ опасеніе, что императоръ

Александръ намѣревался присоединить къ Царству Польскому наши западныя губерніи. Это казалось тѣмъ болѣе неправдоподобнымъ, что, въ бѣгство свое въ Варшавѣ, послѣ вторичнаго занятія Парижа, императоръ, на просьбу пріѣхавшаго изъ Вильны Огинскаго принять депутатовъ литовскаго дворянства, хотя и отвѣчалъ согласіемъ, но прибавилъ: — «Только не касайтесь тонкой струны, которая поставила бы меня въ неприятое положеніе.... Я не могу допустить, чтобы вы просили меня о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ.... *Не должно подавать поводъ къ мысли, что я самъ этого желаю....* Я знаю, что вы недовольны своимъ положеніемъ.... Но никто не долженъ предполагать, чтобы я когда-либо задумалъ отдѣлить эти области отъ Россіи.... *Напротивъ, я хочу скрѣпить связь, соединяющую ихъ съ моею имперіей,* улучшеніемъ участи моихъ польскихъ подданныхъ.... Вы недовольны и имѣете къ тому поводъ, пока, наравнѣ со своими соотечественниками, не будете пользоваться благами конституціи.... Вмѣстѣ съ нею, *присоединеніе оныхъ къ Россіи* установитъ довѣріе и совершенное согласіе между обѣими націями». Тѣмъ не менѣе, Огинскій, въ своихъ запискахъ увѣряетъ, будто Ланской передалъ ему по секрету, что императоръ имѣлъ намѣреніе присоединить русско-литовскій край къ Царству Польскому, какъ только найдетъ удобнымъ исполнить это предположеніе. Авторъ не вѣритъ, однако, свидѣтельству Огинскаго, такъ какъ личныя убѣжденія Ланскаго шли въ разрѣзъ съ образованіемъ и расширеніемъ самостоятельности Польши.

Съ другой стороны Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что императоръ Александръ, возвратясь изъ Варшавы послѣ открытія сейма, сообщилъ ему, въ одной изъ откровенныхъ бесѣдъ, о своемъ намѣреніи восстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ. Историкъ, не сомнѣваясь въ показаніи правдиваго Карамзина, допускаетъ, однако, предположеніе, что Александръ «сказалъ это собственно для того, чтобы выслушать отъ Карамзина общественное мнѣніе по такому крайне щекотливому вопросу. «Предположеніе автора не выдерживаетъ критики. Возможно-ли допустить, чтобы императоръ Александръ сомнѣвался, что общественное мнѣніе не одобритъ его мысли раздробить имперію въ пользу поляковъ, отдать въ ихъ руки коренной русскій край, съ православнымъ населеніемъ? Не правдоподобнѣе-ли допустить, что государь хотѣлъ знать только личное мнѣніе исторіографа, котораго уважалъ и съ которымъ часто бесѣдовалъ о государственныхъ дѣлахъ?... И Карамзинъ высказалъ въ известной своей запискѣ то, что, на его мнѣніе, высказалъ бы всякій истин-

ный сынъ отечества, а выраженная имъ основная мысль ни въ какомъ случаѣ не могла быть неожиданною новостію для камеръ, столько лѣтъ и съ такимъ упорствомъ бороздавшая съ Наполеономъ за честь, достоинство и цѣлость Россіи. Карамзинъ объявляетъ прямо, что возстановленіе Польскаго Королевства, въ прежнихъ предлѣзяхъ, было бы противно священнымъ обязанностямъ самодержца Россіи и самой справедливости, что послѣдствіемъ того было бы матеріальное и нравственное паденіе Россіи. «Я слышу русскихъ и знаю ихъ», говорилъ Карамзинъ. «Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою и въ отечеству, видя оное играющимъ самовластнымъ произволомъ, ослабили бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы.... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.... Однимъ словомъ—Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину — однимъ словомъ: возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрѣтъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу».

По поводу этой записки авторъ говоритъ: «Отдавая справедливость благородству души нашего великаго историка, замѣтимъ, что въ *то время*, когда онъ рѣшился изложить свое мнѣніе противъ возстановленія Польши, императоръ Александръ уже былъ приготовленъ его выслушать послѣдствіями конституціи, дарованной имъ Польшѣ (т. е. Царству Польскому). Но каковы бы ни были причины, побудившія Александра *отказаться отъ мечты своей юности* — возстановить Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ — записка бессмертнаго исторіографа вѣчно останется свидѣтельствомъ его чистой преданности государю и безпредѣльной любви къ отечеству» (V, 444).

Изъ этого комментарія слѣдовало бы сдѣлать въ выводъ, что уже въ то время, когда Карамзинъ подалъ свою записку, т. е. вскорѣ послѣ перваго варшавскаго сейма, императоръ Александръ оставилъ свое прежнее намѣреніе вновь создать Королевство Польское; но, разсуждая въ слѣдующемъ томѣ о причинахъ неудовольствія русскаго общества въ послѣдніе годы царствованія Александра, авторъ наводитъ читателя на другія мысли. Онъ пишетъ: «Лучезарный блескъ, озарившій подвиги освободителя Европы отъ наполеонова

ига, обращался въ восстановление Польши (т. е. Царства Польскаго, собственно вентресувий) и *зловѣщими слухами о предстоящемъ расширеніи ея предѣловъ до Днѣпра и Двины...* Эти слухи, распускаемые съ умысломъ княземъ Чарторыйскимъ и другими поляками, *получали достовѣрность въ Россіи при отдѣленіи Выборгской губерніи въ пользу Финляндіи, да и сама государь иногда подавалъ поводъ къ толкамъ о предложеніи возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ.* Говорили, будто бы онъ, отъѣзжая въ послѣдній разъ изъ Петербурга, сказалъ, на прощанье, Карамзину, въ присутствіи жены его: *«А я все-таки несогласенъ съ вами на счетъ Польши»* (VI, 402).

На основаніи этихъ данныхъ, читатель въ правѣ одѣлать выводъ, что императоръ Александръ «не отказывался отъ мечты своей юности»... Историкъ, конечно, прибавляетъ къ вышесказанному, что «бесправдныя поступки поляковъ *измѣнили расположеніе къ нимъ императора Александра*»; но когда же? въ какую именно пору отказался государь отъ плана возстановленія Польскаго Королевства?... И почему такъ упорно и такъ долго держалось въ русскомъ обществѣ мнѣніе, будто бы «государь предпочитаетъ Польшу Россіи?» (VI, 403).

Что до поляковъ, то нетрудно понять, какое дѣйствіе произвела на нихъ рѣчь Александра при открытіи перваго варшавскаго сейма: надежды на возрожденіе самобытной Польши въ прежнихъ предѣлахъ, отъ моря до моря, охватили умы большинства. Это не могло не быть извѣстно Новосильцеву, хорошо знавшему поляковъ, а между тѣмъ онъ писалъ государю по поводу его пребыванія въ Варшавѣ и приѣзда сюда императрицы Маріи Ѳеодоровны: «Никогда не могло быть болѣе счастливаго событія для укрѣпленія связей, соединяющихъ Польшу съ Россіей, и для разсѣянія порицаній, которыми иногда подвергалась въ Россіи система дѣйствій, принятая Высшимъ Величествомъ въ отношеніи къ Польшѣ. Причиной такихъ благопріятныхъ послѣдствій были, съ одной стороны, величіе, доброты и пріятливости императрицы, оказавшія невыразимое вліяніе на всѣхъ здѣшнихъ жителей, а съ другой — убѣжденіе Ея Величества въ томъ, что никто лучше Ваѣ, Государь, не могъ сообразить средствъ къ погашенію непримиримой ненависти между двумя народами, продолжавшейся въ теченіе многихъ вѣковъ, и къ водворенію между ними совершеннаго согласія».

Но уже въ исходѣ слѣдующаго (1819) года, по случаю похороны польскаго министра финансовъ Матушевича, секретарь сената,

историкъ Нѣвцевичъ, произнесъ рѣчь, въ которой самыми яркими красками изобразилъ тѣ бѣдствія, которыя будто бы Польша терпѣла отъ несправедливостей и преступленій, совершенныхъ сосѣдственными ей державами. Второй варшавскій сеймъ раскрылъ еще яснѣе, къ чему стремились поляки и какъ они смотрѣли на сліяніе своей «ойчизны» съ Россіей. Частные сеймы, созванные для выбора депутатовъ, обнаружили явное недоброжелательство тѣмъ, что избрали своими представителями людей самыхъ радикальныхъ; варшавскій же сеймъ, почти безъ обсуждения, отвергнулъ предложенные ему проекты законовъ, а проектъ уголовного судопроизводства былъ отринутъ чуть ли не единогласно, потому что въ немъ не было допущено судъ присяжныхъ. Императоръ хотя и закрылъ сеймъ строгою рѣчью, однако заключилъ ее примирительными словами, выразивъ надежду на благоразуміе польской націи. Послѣдствія показали, что поляки думали иначе. «Тайныя общества сдѣлались многочисленнѣе; заговоры неблагонамѣренныхъ людей, не находившихъ пищи для своей дѣятельности; сходки цитомцевъ высшихъ училищъ, превратившихся въ политическіе клубы; буйные возгласы журналистовъ, подъ личиною патриотизма—все это постепенно привело къ разрыву между государемъ и его новыми подданными» (V, 477).

Быть можетъ и справедливо, что часть жителей Царства Польскаго была «весьма хорошо расположена къ Россіи», какъ выражается историкъ; но крайне сомнительно, чтобы эта часть имѣла многочисленныхъ представителей; громадное большинство, напротивъ, и въ особенности люди молодые, мечтало о самобытности Польши и думало достигнуть цѣли обычнымъ польскимъ путемъ — революціей, отдѣленіемъ отъ Россіи. Хуже же всего было то, что между недовольными были участники въ самомъ управленіи, слѣдательно наиболѣе опасные субъекты. Довольно знать, что въ Царствѣ Польскомъ оппозиція не только считала въ рядахъ своихъ многихъ членовъ сейма, но преобладала и въ министерствѣ, и въ государственномъ совѣтѣ, такъ что правительственная сторона ограничивалась едва-ли не однимъ намѣстникомъ, княземъ Заіончковомъ, да русскимъ комиссаромъ Новосильцовымъ, которые одни и отстаивали проекты законовъ не только на сеймахъ, но и противъ собственныхъ сотрудниковъ. О направленіи общественнаго духа въ Царствѣ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: польскія газеты и журналы сообщали своимъ читателямъ содержаніе лишь оппозиціонной иностранной печати; изъ иностранныхъ періодическихъ изданій были распространены одни радикальныя, да политическія брошюры, проповѣдывавшія о

революціи; даже государственный совѣтъ выписывалъ радикальную газету «Morning Chronicle», всегда враждебную Россіи, оппозиціонныя «Constitutionnel» и «Courrier Français», и, кромѣ Новосильцова, никто не заботился объ изданіи правительственнаго органа. На сценахъ варшавскихъ театровъ, и въ особенности такъ называемаго «народнаго театра», давались пьесы, въ которыхъ явие осмѣивались всѣ распоряженія правительства. «Театры превратились въ школы буйнаго лабериализма».... Тайныя общества росли какъ грибы и усердно поддерживали революціонное настроеніе умовъ; въ учебныхъ заведеніяхъ господствовала самый опасный духъ; студенты участвовали не только въ своихъ, но и въ заграничныхъ тайныхъ обществахъ; волненія на частныхъ сеймахъ постоянно отражались беспорядками въ средѣ учащейся молодежи.

Государь имѣлъ намѣреніе созвать третій сеймъ въ 1822 году; но принужденъ былъ отложить его до 1825 года, вслѣдствіе безпокойнаго состоянія умовъ въ Царствѣ. И на этотъ разъ, рѣчь, произнесенная императоромъ, дышала примиреніемъ, выраженіями искренняго желанія блага полякамъ: «Представители Царства Польскаго! Сообщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліанія. Въ вашихъ рукахъ будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду единственно его благо, его истинныя пользы; окажите ему всѣ тѣ услуги, которыхъ оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не переставалъ я считать въ отношеніи къ вашему благоденствію».

Слова эти пали на неблагодарную почву. Въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ поляки работали не надъ развитіемъ внутренняго преуспѣянія страны, а надъ приготовленіями къ революціи 1830 года.

Императоръ Александръ имѣлъ счастье не дожить до этого послѣдняго акта благодарности облагодѣтельствованной имъ польской націи.

XIV.

Послѣ изложенія событій отечественной войны 1812 года и кампаній 1813 и 1814 годовъ, съ ихъ послѣдствіями, историкъ бросаетъ взглядъ на распоряженія по военной части въ этотъ періодъ времени (до 1815 года). Представляемая имъ числовыя данныя, при всей своей сухости, краснорѣчивы, какъ доказательство тѣхъ жертвъ, которыхъ стоила русскому народу борьба съ Наполеономъ. Еще до начала отечественной войны обнаружился въ нѣкоторыхъ губерніяхъ недостатокъ людей годныхъ въ рекруты, и потому,

указомъ 16-го сентября 1811 года, разрѣшено было принимать рекрутовъ ростомъ въ два аршина три вершка, а лѣтами отъ 18 до 37; но еслибы не оказалось и такихъ людей, то дозволялось брать рекрутовъ *вершкомъ меньше* указанной мѣры и опредѣлять ихъ во флотъ, а въ случаѣ недостатка даже этихъ крешекъ, опредѣлено брать *двенадцатилѣтнихъ мальчиковъ*, не обращая вниманія на ростъ, отсылать ихъ въ военно-сиротскія отдѣленія, съ зачетомъ за рекрутовъ, и съ 18-ти лѣтнаго возраста брать на дѣйствительную службу. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, набрано было до *девяти сотъ семнадцати тысячъ* рекрутовъ.... Въ отношеніи населенія мужескаго пола, обязаннаго личною рекрутскою повинностію и простиравшагося до 15,800,814 душъ, это составляло около *шести* рекрутовъ на *сто* душъ, или около *восемнадцати* рекрутовъ на каждые *сто* человекъ отъ *пятнадцати* до *тридцати-пятилѣтняго* возраста. Но сюда надобно прибавить еще *трехсотъ-тысячное* ополченіе, и тогда окажется, что, съ 1812 по 1815 годъ, почти *четвертая часть* взрослыхъ людей участвовала въ вооруженіи Россіи противъ Наполеона.... Въ теченіе одного 1812 года отдѣлено было *пять* рекрутскихъ наборовъ по *пяти* и даже по *восемь* человекъ съ *пяти* сотъ душъ, отчасти повсемѣстныхъ, отчасти съ извѣстными нѣкоторыхъ губерній....

Не менѣе краснорѣчивы и цифры денежныхъ расходовъ. Къ 1-му января 1812 года числилось въ государственномъ казначействѣ остаточныхъ суммъ 83,398,278 рублей; но ошибочно было бы принимать этотъ остатокъ за доказательство процвѣтанія тогда нашихъ финансовъ; напротивъ, положеніе ихъ было самое затруднительное, вслѣдствіе упадка ассигнацій до *четверти* номинальной цѣны и накопленія недоимокъ въ податяхъ, да, крошѣ того, многія статьи по прежнимъ расходамъ еще не были уплачены. Въ 1812 году состояло въ приходѣ 415,382,657 рублей ассигнаціонныхъ, или около 103,845,664 рублей серебромъ; израсходовано же было (не считая частныхъ пожертвованій, деньгами и вещами, болѣе 100,000,000 рублей ассигнаціями), 342,192,564 рубля ассигнаціями, или до 85,548,141 рубля серебромъ, изъ которыхъ по одному военному министерству издержано 160,842,642 рубля ассигнаціями или болѣе 40,000,000 рублей серебромъ. Отечественная война еще не была кончена, а уже надлежало сообразить расходы заграничной кампаніи. По смѣтѣ Барклай-де-Толли, на *трехсотъ-тысячную* армию требовалось, въ теченіе года, 15,486,372 рубля серебромъ, а на *двѣсти тысячъ* человекъ 10,325,000 рублей; не кажь провіантъ и фуражъ

были уже заготовлены на границѣ, то Барилей полагалъ включать въ число экстраординарныхъ расходовъ только сумму, нужную на перевозку запасовъ вслѣдъ за войсками и на содержаніе подвижнаго магазина, всего до 4,800,000 рублей серебромъ. Сверхъ того, по респису на 1813 годъ, было исчислено на обыкновенные расходы 1,500,000 рублей серебромъ. Такимъ образомъ, въ 1813 году могло потребоваться, золотомъ и серебромъ, 14,500,000 рублей, а монетный запасъ въ государственномъ казначействѣ не превышалъ *четыре-рестъ* миліоновъ рублей. Правда, ожидалось еще къ поступленію до $5\frac{1}{4}$ миліоновъ монетою, но все же не доставало болѣе *десяти* миліоновъ рублей. Секретный комитетъ финансовъ рассчитывалъ на субсидіи Англіи, въ которыхъ она не отказывала намъ въ прежнія войны. Такъ, по трактату 1798 года, условлено было получать намъ отъ англійскаго правительства на каждаго человѣка по пяти фунтовъ стерлинговъ (около 32-хъ руб. сер.) на первоначальныя издержки, да по тридцати фунтовъ стерлинговъ (около 195 руб. сер.) въ продолженіе года; по трактату же 1805 года, Англіи обязалась выдавать по $12\frac{1}{2}$ фунтовъ стерлинговъ (около 80 руб. сер.) на человѣка, и, сверхъ того, на первоначальныя издержки по $3\frac{1}{2}$ фунта стерлинга (около 22 рублей). Въ силу трактата 1798 г., комитетъ надѣялся получить по 35 фунтовъ стерлинговъ на человѣка, что составило бы на 200,000 человѣкъ *семь* миліоновъ фунтовъ стерлинговъ или около 45 миліоновъ рублей серебромъ; но этотъ расчетъ оказался мечтательнымъ: Англія согласилась уплатить за содержаніе нашей арміи въ 160,000 человѣкъ (въ действительности было больше), въ теченіе 1813 года, только 3,200,000 фунтовъ стерлинговъ, въ томъ числѣ 1,333,334 фунта вонною монетою и 1,866,666 фунтовъ стерлинговъ кредитными билетами. Это составляло по 20 фунтовъ стерлинговъ на человѣка (до 130 рублей сер.), т. е. меньше *двухъ третей* субсидіи, условленной по договору 1798 года. Да и эта сумма не была уплачена вполнѣ: въ 1813 году мы получили только *два* миліона фунтовъ стерлинговъ; остальныя деньги Англія выдала уже въ 1814 году....

Къ 1-му января 1813 года, государственное казначейство имѣло въ наличности 73,190,093 рубля ассигнаціями; доходовъ поступило 457,860,622 рубля, а нерасховано 423,380,572 рубля ассигнаціями (около 105,845,143 руб. сер.), въ томъ числѣ по военному министерству 264,702,283 рубля ассигнаціями (до 66 миліоновъ серебромъ), стало-быть болѣе *трехъ пятыхъ* всѣхъ издержекъ. Къ 1-му января 1814 года, наличныхъ денегъ въ государственномъ казначей-

ствѣ числилось 107,670,142 рубля ассигнаціями; доходовъ поступило 480,138,670 рублей, а съ чрезвычайными 587,808,813 рублей ассигнаціями, или до 146,952,203 руб. сер.; израсходовано 457,213,949 рублей ассигнаціями (114,303,487 рублей серебромъ), въ томъ числѣ по военному министерству 278,774,702 рублей ассигнаціями (69,700,000 рублей серебромъ), слѣдовательно еще болѣе нежели въ 1813 году. Наконецъ, къ 1-му января 1815 года государственное казначейство имѣло въ наличности 138,849,145 рубля, въ томъ числѣ золотомъ и серебряною монетою только 8,254,280 рублей. Доходовъ поступило 421,736,410 рублей, а съ чрезвычайными доходами (между прочимъ, часть военной контрибуціи съ Франціи) 571,585,555 руб. ассигнаціями или до 142,896,363 руб. сер.; расходы же простирались до 391,276,180 руб. ассигн. (95,319,045 руб. сер.), и въ числѣ ихъ по военному министерству около 214 миліоновъ ассигнаціями, стало-было больше половины всего расхода. На одно содержаніе польскихъ войскъ было отпущено болѣе пятнадцати миліоновъ ассигнаціями.

Внутренній государственный долгъ, къ 1-му января 1816 года, доходилъ до 153,958,351 рубля, кромя семисотъ миліоновъ бумажныхъ денегъ, а внѣшній долгъ до 54,356,000 руб. сер.

Разстроенное состояніе нашихъ финансовъ и борьба съ Наполеономъ, требовавшая чрезвычайнаго развитія вооруженныхъ силъ дожившагося самымъ тяжкимъ бременемъ на народъ, подали, быть можетъ, первую мысль къ основанію военныхъ поселеній. Историкъ не входитъ въ изслѣдованіе вопроса, кому принадлежала эта мысль: самому ли императору Александру, или графу Аракчееву; онъ ограничивается замѣткою, что всѣ высочайшія повелѣнія по этому предмету были объявляемы Аракчеевымъ, и что тогдашній военный министръ, Барклай-де-Толли, не одобрялъ учрежденія военныхъ поселеній (*). А вопросъ стоить бы изслѣдованія исторіи посвященной царствованію, въ которое положено было начало и проведено въ широкихъ размѣрахъ новое учрежденіе. Авторъ основательнаго историческаго изслѣдованія объ *«устройствѣ и управленіи воен-*

(*) Всеподаннѣйшія донесенія генераль-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли и генераль-лейтенанта барона Дибича о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи помѣщены въ XIX томѣ «Военнаго Сборника». Кроме того, въ «Военномъ Сборникѣ» прошлыхъ годовъ можно найти, въ разныхъ отдѣлахъ, статьи о нашихъ военныхъ поселеніяхъ. Ни въ одномъ источникѣ нѣтъ даже намекъ о томъ, чтобы мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала Аракчееву; напротивъ, есть свѣдѣнія, что онъ не былъ въ числѣ сторонниковъ этого учрежденія.

мысль поселеній въ Россіи (*), не безъ основанія полагаетъ, что ландверная система организаціи прусской арміи, оказавшаяся на практикѣ выгодною и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніи, могла имѣть вліяніе на императора Александра, желавшаго, для улучшенія быта русскаго солдата, слить мирныя занятія хлѣбопашца съ обязанностями война. Разрѣшить задачу надѣялись учрежденіемъ по всей Россіи, такъ называемыхъ, военныхъ поселеній. Первая попытка сдѣлана была еще въ 1810 году: запасный баталіонъ Елецкаго мушкетерскаго полка былъ поселенъ Могилевской губерніи, Ближневичскаго уѣзда, въ Бобылецкомъ староствѣ, жителей котораго перевели въ Новороссійскій край. Эта попытка, съ перваго же раза, оказалась крайне неудовлетворительною въ томъ отношеніи, что поселенные на крестьянскихъ земляхъ солдаты, давно отвыкшіе отъ полевыхъ работъ, заявили себя плохими земледѣльцами и, правительству, издержавъ на водвореніе ихъ и на переселеніе крестьянъ большія суммы, нашлось въ необходимости содержать солдатъ, по прежнему, на свой счетъ. Принята была другая система. Жители тѣхъ мѣстностей, которыя назначались для водворенія войскъ, были оставляемы на родинѣ; но каждый домохозяинъ обязывался принять къ себѣ и содержать одного или двухъ солдатъ, за что освобождался отъ всѣхъ прочихъ повинностей, а солдаты-постояльцы должны были помогать крестьянамъ-хозяевамъ въ полевыхъ работахъ. Не неся рекрутской повинности, военные поселяне имѣли отправлять полевую службу и комплектовать изъ своей среды поселенные полки.

Эту систему рѣшено было начать съ поселенія въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда, втораго баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка. Замѣчательно, что въ указѣ на имя новгородскаго гражданскаго губернатора (5-го августа 1816 года) вовсе не объявлялась цѣль правительства относительно поселенія этого баталіона, а только велѣно было расположить его въ названной мѣстности по причинѣ *тѣснаго помѣщенія войскъ въ Петербургъ*, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано изъять Высоцкую волость изъ зависимости земской полиціи и передать ее въ вѣдѣніе баталіоннаго командира. Сборъ государственныхъ податей съ волости также былъ переданъ въ военное вѣдомство. Историкъ входитъ въ подробности о распоряженіяхъ Аракчеева по водворенію солдатъ и по устройству крестьянъ, разсѣвъ и насильственно исторгнутыхъ изъ того быта, съ которыми они сроднились въ теченіе вѣковъ. Аракчеевъ собственноручно составилъ, для

(*) Помѣщено въ издавіи «Русской Старины»: «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія въ Россіи. СПб. 1871.

адъютанта своего, инженеръ-штабсъ-капитана Мартоса, предѣлательствовавшаго въ волостномъ комитетѣ инструкцію, которою предписывалъ, между прочимъ: «обратить свѣдѣнія о всѣхъ дѣвкахъ, приходившихъ въ возрастъ, а равно и о вдовахъ; запрещать дѣлать свадьбы безъ моего позволенія, а о всѣхъ свадьбахъ представлять ко мнѣ по данной формѣ; позволяется же дѣвкамъ и вдовамъ выходить замужъ и безъ моего позволенія *за одного лишь солдата*, кому выдавать на свадьбу по 25 рублей и доносить о томъ мнѣ». Кроме того, Аракчеевъ распорядился вызвать на поселеніе солдатскихъ женъ; но какъ болѣе ста солдатокъ уклонялись отъ прибытія къ мужьямъ своимъ, подъ предлогомъ или нездоровья, или нежеланія разлучиться съ дѣтьми, то грозный баринъ послѣдшилъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ слѣдующею бумагою:

....«Причины, солдатскими женами представляемыя состоятъ вообще въ болѣзняхъ, или (въ) привязанности къ дѣтямъ; но какъ больныя могутъ выздороветь, и, слѣдовательно, временной недугъ жены не можетъ быть причиною къ оставленію навсегда мужа, права же мужей имѣть при себѣ женъ столь священны, что нельзя уважить и другой причины, не нарушивъ справедливости, то Государь Императоръ Высочайше указомъ соизволилъ сообщить Вашему Превосходительству о предписаніи губернаторамъ тѣхъ губерній, гдѣ жены сія находятся: освидѣтельствовать отымающихся болѣзнію и отправить къ мужьямъ всѣхъ тѣхъ, кои окажутся здоровы, а равно и тѣхъ, которыя не хотятъ ѣхать по другой причинѣ».

Громадныя издержки по поселенію войскъ (*) Аракчеевъ рассчитывалъ вознаграждать хозяйствомъ самихъ поселеній; но сущность хозяйства Аракчеевъ видѣлъ не въ рациональномъ улучшеніи земледѣлія и скотоводства, а въ насильственномъ извлеченіи изъ рабочихъ силъ всего, что онѣ были въ состояніи дать, нисколько не заботясь о ихъ сохраненіи. Тѣмъ не менѣе, Аракчеевъ хвастался своимъ умѣньемъ хозяйничать, и, въ доказательство, указывалъ на свое знаменитое Грузино. Но какъ хозяйничалъ онъ въ своемъ имѣніи? Лишь только Грузино перешло въ его руки, онъ рѣшилъ расчистить лѣса, покрывавшіе берега Волхова, на которыхъ расположено село, и для того сталъ сгонять, послѣ уборки хлѣба, крестьянъ поголовно, даже женщинъ, и не смотря ни на время года, ни на погоду: въ трескучіе морозы были копаемы канавы; подъ проливнымъ дождемъ усыпалось полотно для дорогъ, а для скорѣйшаго уравнианія мѣстности жгли на

(*) Постройка жилыхъ домовъ и сараевъ только для одного баталіона, не считая денегъ на постройку общественныхъ зданій, обошлась въ 2,800,000 рублей.

мѣстѣ строевой дѣль... Ни одно селеніе не осталось на своемъ прежнемъ мѣстѣ; повсюду крестьянскіе дома выстроены въ прямую линію, какъ солдаты въ строю; деревья въ садахъ были подстригаемы подѣ ибру. А такъ какъ дома были выстроены по урочному положенію, т. е. въ опредѣленные сроки, то они оказались сырими, холодными, непрочиными. Крестьяне же, обремененные всяческими поборами, штрафами, урочными работами, гибли, проклиная своего «благодѣтельнаго» помѣщика. Въ «Правилахъ хозяевамъ о содержаніи домовъ, вновь выстроенныхъ въ селѣ Грузинѣ», написанныхъ Аракчеевымъ, регламентація была доведена до едва вѣроятнаго безобразія, чтобы не сказать безумства, и захватывала мельчайшія подробности. Напримѣръ, хозяинъ дома обязывался, чрезъ каждые три года, красить кровли красною краскою на вареномъ постномъ маслѣ, и виновный въ неисполненіи этого «правила» наказывался десятью рублями штрафа. Съ 1-го мая до 15-го сентября мужики имѣли право печь хлѣбъ и варить пищу только въ каменной кухнѣ, на дворѣ, а печи въ избахъ были запечатываемы, что возлагалось на грузинскаго мужика—подлицеймейстера, который за небрежность подвергался тѣлесному наказанію. Мостовую на дворѣ домохозяинъ долженъ былъ выметать ежедневно, а въ ненастную пору чистить грязь деревянными лопатами и вывозить ее на огорода; на улицѣ же, мостовую противъ избы посыпать пескомъ; отворять въ окнахъ форточки, когда метутъ избы, вездѣ стирать пыль.... Даже бабы были связаны по рукамъ и по ногамъ регламентаціей: старшая хозяйка обязывалась утромъ прогнать свой скотъ къ гумнамъ, за ворота, и сдать пастуху, а вечеромъ встрѣтить скотъ тамъ же и пригнать его прямо на дворъ. Ходить въ хлѣва и въ сараи вечеромъ можно было только съ фонаремъ, «въ коемъ были бы всегда цѣлы стекла»; въ домѣ жечь свѣчи или ночники съ масломъ, а лучину зажигать лишь въ кухнѣ. Кто этого правила не исполнялъ, того сѣкли въ присутствіи всѣхъ домохозяевъ.... Впослѣдствіи правила для Грузина примѣнены были къ военнымъ поселеніямъ.

Въ 1817 году явилась новая попытка военныхъ поселеній: вторые баталіоны Полоцкаго пѣхотнаго полка были назначены къ водворенію въ Могилевской губерніи, полки первой гренадерской дивизіи въ Новгородской. Кроме того, полки третьей уланской дивизіи, Таганрогскій, Борисоглѣбскій, Серпуховской и Чугуевскій, были переформированы изъ семи-эскадроннаго состава въ шесть эскадроновъ дѣйствующихъ, три поселенные и три резервные, и поселенные эскадроны водворены въ Харьковской губерніи; изъ украинской уланской

дивизіи и изъ Бугскаго казачьего полка были сформированы двѣ уланскія дивизіи, украинская и бугская, каждая въ четыре полка, также приведенныхъ въ составъ шести дѣйствующихъ, трехъ поселенныхъ и трехъ резервныхъ эскадроновъ. Поселенные эскадроны названныхъ дивизій положено было водворить въ Херсонской губерніи.

По поводу всѣхъ этихъ мѣръ, историкъ выражаетъ слѣдующее мнѣніе:

«Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что человеколюбивый Александръ, при учрежденіи военныхъ поселеній, имѣлъ въ виду, доставя удобства и крестьянамъ-хозяевамъ, и солдатамъ-поселенцамъ, улучшить судьбу ихъ. Исполнитель его намѣреній по этой части, графъ Аракчеевъ, дѣйствовалъ не изъ безответной угодливости государю, а изъ убѣжденія въ пользу предпринятаго дѣла. Онъ полагалъ, что поселенные военскіе чины, будучи надѣлены отъ правительства землею, домами, скотомъ и земледѣльческими орудіями, получая жалованье и одежду, а въ первое время провіантъ на себя и на семейства свои, *должны были благословлять свою участь*, тѣмъ болѣе, что, будучи избавлены отъ походовъ и живя осѣдло, могли своими трудами увеличить свое состояніе и передать его дѣтямъ своимъ; чины же дѣйствующихъ баталіоновъ и эскадроновъ, въ мирное время живя въ домахъ поселенныхъ сослуживцевъ своихъ, не имѣли надобности, при выступленіи въ походъ, заботиться о своихъ женахъ и дѣтяхъ, равно и о цѣлости своего имущества, потому что все это могло быть при-зрѣно, успокоено и сбережено ихъ товарищами (?!)... Точно также, водворяя крестьянъ въ новыхъ, красиво-построенныхъ домахъ, надѣляя ихъ лошадьми и скотомъ, улучшивъ ихъ скучную пищу, Аракчеевъ надѣялся *пріобрѣсти права на ихъ благодарность*.... Но, забывая исключительно объ изяществѣ (точнѣе: объ условной однообразной красотѣ) домовъ и селеній, измѣняя насильственно весь бытъ поселенъ и лишая ихъ возможности располагать будущностію дѣтей своихъ и свободнаго пользованія своимъ имуществомъ, создавалъ какую-то спартанскую общину (правильнѣе: солдатскую казарму въ колосальныхъ размѣрахъ, потому что спартанская община, хотя и облеченная въ условныя формы, была все-таки общиною свободныхъ людей), несвойственную русскому народу. Терпѣливые, кроткіе крестьяне, еще не испытавъ бремени поселенной регламентаціи, уже были возмущены непривычными имъ нововведеніями: бритьемъ бородъ, прививаніемъ коровьей оспы, запрещеніемъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія начальства, исправленіемъ дорогъ, мытьемъ половъ и проч. и проч.»

Случилось то, что должно было случиться, какъ результатъ всякаго несмыслимаго насилія: и въ сѣверныхъ, и въ южныхъ поселеніяхъ жители взбунтовались.

Первое неповиновеніе обнаружилось въ Холмской волости (Новгородскаго уѣзда), назначенной для водворенія Черновскаго гренадерскаго полка. Когда крестьянамъ прочтаны были на сходѣ «приказанія» Аракчеева, они рѣшили: не допускать нововведеній Аракчеева и «прехитрестнаго человека, ибнца Бухмара» (Бухмейера), и написать просьбу царю «о защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева». Осенью 1817 года холмскіе крестьяне послали даже депутатовъ сначала въ Москву, гдѣ тогда находился государь, а потомъ въ Варшаву, куда изъ Москвы уѣхалъ императоръ. Но это крестьянское волненіе усмирено было безъ особеннаго труда, тогда какъ безпокойства на югѣ приняли болѣе рѣшительный характеръ. Здѣсь пришлось имѣть дѣло не съ мужиками, а съ бугскими казаками, войско которыхъ, составившее съ 1803 года три полка, было присоединено къ 3-му и 4-му украинскимъ уланскимъ полкамъ и поселено въ Херсонской губерніи. Понятно, что казаки не могли быть довольны крутою переменою своего быта: выслушавъ указъ о превращеніи ихъ въ военные поселеніе, они объявили, что не могутъ исполнить указа, воспротивились переписи семействъ своихъ, захватили станичную печать и отправили двухъ депутатовъ съ жалобою въ Вознесенскъ, къ наказному атаману, полковнику князю Кантаузину. Въ это самое время Кантаузину потребовали въ Петербургъ, для предварительныхъ соображеній о поселеніи Бугскаго казачьяго Войска. Аракчеевъ долго не допускалъ къ себѣ наказнаго атамана; наконецъ прислалъ къ Кантаузину, вечеромъ, своего адъютанта, съ толстою тетрадью «Положенія о переформированіи Бугскаго Войска» и съ приказаніемъ явиться на другой день, въ восемь часовъ утра, въ комитетъ по дѣламъ военныхъ поселеній. Аракчеевъ, очевидно, не хотѣлъ дать Кантаузину времени прочесть «Положеніе» и коротко ознакомиться съ нимъ. Здѣсь историкъ передаетъ въ высшей степени интересные факты со словъ князя Кантаузина.

Въ обширной комнатѣ, за большимъ столомъ, сидѣли нѣсколько генераловъ, въ ожиданіи предсѣдателя (т. е. Аракчеева). Вошелъ графъ; всѣ встали и подобострастно поклонились ему, а онъ, не отвѣтивъ даже ни малѣйшимъ движеніемъ на низкіе поклоны, сѣлъ на свое мѣсто и приказалъ адъютанту читать «Положеніе». Въ продолженіе чтенія, князь Кантаузинъ нѣсколько разъ порывался встать и высказать свои замѣчанія на прочитанныя статьи, но каждый разъ

ею оставивлацвалъ покойной вѣраждъ Аракчеева и приказаніе адъютанту: «продолжайте». Когда членъ законности, Аракчеевъ ушелъ въ свой кабинетъ, а адъютантъ поднесъ «Положеніе» членамъ комитета, которые все и подписали документъ; одинъ Кантакузинъ отказался подписать, сказавъ, что находитъ многія статьи «Положенія» несообразными съ цѣлью дѣла—улучшить бытъ Бугскаго казачьяго Войска, и потому совѣсти не позволютъ ему подписать такую бумагу. Члены комитета ужаснулись смѣлости казачьяго полковника.—«Что вы дѣлаете?... вы себя губите!» воскликнули генералы. Адъютантъ долго колебался, прежде чѣмъ идти въ кабинетъ графа и доложить о неслыханномъ событіи... Аракчеевъ приказалъ позвать къ себѣ князя Кантакузина. Большая комната была лишь отчасти освѣщена свѣчами, стоявшими на письменномъ столѣ кованна, который, въ своемъ обычномъ домашнемъ костюмѣ—въ бѣломъ фланелевомъ камзолѣ—не вставая съ мѣста и какъ бы смѣривъ глазами деревяннаго ослушника, спросилъ:—«Ты не подписалъ «Положенія?»—«Ваше сіятельство, позволюте мнѣ объяснить причину».... началъ—было Кантакузинъ, но Аракчеевъ не далъ ему продолжать.—«Ты не подписалъ?...» повторилъ онъ вопросъ.—«Моя совѣсть не позволяеть....»—«Ты не подписалъ Положенія?».... Теперь послушай меня: видишь ли эти объявленныя листы?... посмотря внизу на подпись: узнаешь ли ее?...»—«Это бланки съ подписью государя», отвѣчалъ смущенный князь Кантакузинъ.—«Что будетъ, если я, на одномъ изъ этихъ листовъ, напишу, что ты, за послушаніе начальству, лишаешься чиновъ и отсылаешься въ Сибирь?» сказалъ Аракчеевъ, и, помолчавъ минуту, прибавилъ:—«А что если напишу, что ты, за усердіе къ службѣ, награждаешься производствомъ въ генераль-майоры и анненскую ленту?...» Князю Кантакузину, человѣку семейному, жившему однимъ жильемъ, не оставалось ничего болѣе, какъ подписать «Положеніе».

Нужно-ли прибавлять, что мстительный временщикъ не оставилъ полковника безъ наказанія?... Незыблемымъ правиломъ Аракчеева было жестоко мстить всякому, кто не только дерзалъ противорѣчить ему явно, но и безмолвно не соглашался съ его деспотическими распоряженіями, будь то человѣкъ даже высокопоставленный и независимый отъ воли временщика. Чтобы наказать Кантакузина самымъ чувствительнымъ образомъ, Аракчеевъ поручилъ именно ему привести казаковъ въ повиновеніе, зная заранѣе, что успѣха не будетъ, и что самое это порученіе было сопряжено съ опасностію, при тогдашнемъ настроеніи Бугскаго казачьяго Войска. Такъ и случилось. Казаки хотя

и любилъ своего казачьего атамана, однако исполнить высочайшее повеленіе отказался, и даже подал жалобу на князя Баятакуяна, когда онъ сталъ угрожать имъ тяжкими наказаніемъ. Послѣ этого овлабланный Аракчеевъ не колебался обвинить самого войскового атамана въ неповиновеніи, казачковъ... Для обращенія ихъ въ военныхъ поселенъ, выдѣленъ былъ въ кавалеріи соединенія Волыжанскій пѣхотный полкъ иромѣ уже расположенныхъ тамъ двухъ уданскихъ полковъ, съ четырьмя конными орудіями.

Возвращеніе гласныхъ полковъ въ Харьковской губерніи также сопровождалось волненіями. Лисаневичъ, начальникъ 3-й уданской дивизіи, донесъ Аракчееву: «При всѣхъ строгихъ мѣрахъ, дабы никто изъ военныхъ чиновъ не смѣлъ оскорблять жителей-поселенца, нѣльзя теперь сего исполнить, потому что жители, какъ бы ослѣпленные, не хотятъ понимать, что зависитъ отъ нихъ и что не зависитъ, и даже посторонние (сторонныя) можно только узнать иногда о какихъ-либо частныхъ ихъ неудовольствіяхъ...»

«Исторія первыхъ лѣтъ военного поселенія можетъ справедливо назваться исторіей бунтовъ», говоритъ авторъ. Въ 1819 году опять произошли важные безпорядки въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и опять действительною причиною бунта было неудовольство поселенцевъ своимъ бытомъ, а предлогомъ послужилъ нарядъ ихъ на общественныя лѣтнія работы. Центромъ волненія былъ Чугуевъ, гдѣ жители собрались на городской площади, и, несмотря на убѣжденія генерала Лисаневича, на увѣщанія священника и на отпугненіе города войсками съ артилеріей, единогласно объявили, что «ни они, ни дѣти ихъ военного поселенія не желаютъ». На этотъ разъ государь напелъ нужнымъ послать самого Аракчеева въ мѣсто расположенія 2-й уданской дивизіи для возстановленія спокойствія; но графъ Алексѣй Андреевичъ въ Чугуевъ не поѣхалъ, а остался въ Харьковѣ, составилъ адѣль, подъ своимъ предсѣдательствомъ, комитетъ, и распорядился наказаніями виноватыхъ... по-аракчеевски.

Несмотря на всѣ эти беззаконныя явленія и на явные доказательства невозможности упрочить дальнѣйшее развитіе военныхъ поселеній путемъ непринудительнымъ, предпріятіе было продолжаемо упорно, съ горячею дѣятельностію. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, военныя поселенія влекли въ себя уже треть русской арміи, такъ что, въ концѣ 1825 года, отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній имѣлъ слѣдующій составъ: 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія, 12 баталіоновъ моголевскаго, 36 баталіоновъ и 240 эскадроновъ харьковскаго, екатеринославскаго, и

херсонскаго поселеній. Кроме того, были поселены двѣ роты сапернаго баталіона гренадерскаго корпуса, двѣ роты охтенскаго пороховаго завода и тридцать двѣ фуригатскія роты.

Авторъ говоритъ: «Впослѣдствіи народъ нѣсколько освоился съ учрежденіемъ, насильственно внесеннымъ въ жизнь его, либо, находясь подъ вліяніемъ страха высканій, юности подвергались участники возмущеній, *смирился*». По законамъ человеческой природы, ни съ чѣмъ насильственнымъ освоиться, даже *нѣсколько*, нельзя; но что народъ *смирился* въ виду жестокихъ наказаній—это естественно. Да и смиреніе было принужденное, оправдывавшее смыслъ русской пословицы: «неволя пляшетъ, неволя скачетъ, неволя пѣсенни поетъ». Историкъ не скрываетъ, что военныя поселенія внушали въ народѣ ужасъ, и что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было поселеній, страшились подвергнуться такой же участи, какая постигла военныхъ поселенъ. Довольно было государю пріѣхать въ какую-нибудь отдаленную губернію, и повсюду распространялся страхъ, проинведенный слухами, будто царь осматриваетъ мѣста подъ военныя поселенія. Араччевъ не могъ не звать и не видѣть общаго отвращенія къ военнымъ поселеніямъ, но принималъ это чувство или неразумію и невѣжеству крестьянъ, будто бы не понимавшихъ собственной своей пользы, или внушеніямъ враговъ общественнаго порядка. Такъ-ли онъ размышлялъ на-единѣ со своею совѣстію—о томъ вѣдаетъ одинъ Богъ; но самолюбивый временщикъ имѣлъ свои выгоды увѣрить государя, что военные поселенія благоденствовали въ сравненіи съ крестьянами государственнымъ. «Люди прекрасные, здоровые, веселые (?) и съ самыми яснымъ (?) на лицахъ душевнымъ усердіемъ», доносилъ онъ императору о 6-й фузелерной ротѣ Черновскаго полка, о тѣхъ самыхъ солдатахъ, которые, при поступленіи въ военное поселеніе, дѣлали безпорядки. Во всѣхъ рѣшительно письмахъ и донесеніяхъ Араччева императору Александру повторяются непременно стереотипныя фразы: «во всѣхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и спокойно». Таковую же фразу онъ вернулъ и въ письмо по неводу семеновской исторіи.... Что императоромъ Александромъ руководили наилучшія намеренія при учрежденіи и распространеніи военныхъ поселеній, что онъ надѣялся, посредствомъ ихъ, избавить податныя сословія отъ самой тяжкой повинности, рекрутской, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; въ несчастію, государь ни откуда не могъ услышать голоса правды, ибо не только всемірный временщикъ, но и другіе ближайшіе къ престолу люди, пользовавшіеся довѣріемъ монарха, славили и восхваляли созданныя Араччевымъ красивыя по шаржуности солдатскія се-

ленія. «Подобно тому, какъ и во время путешествія великой Кате-
рины на югъ Россіи, быстро возникали огромныя села, съ церквами
и школами въ лѣсахъ и дѣбряхъ новгородскихъ и бѣлорусскихъ.
Императоръ Александръ, посѣщая военныя поселенія, находилъ на
каждомъ шагѣ вѣнныя признаки довольства и благосостоянія. Вездѣ
видѣлъ онъ опрятность, чистоту, порядокъ. Служители алтарей,
встрѣчая его со крестомъ и со святою водою, славяли подвигъ учре-
жденія военныхъ поселеній» (VI, 116). Въ порядкѣ вещей, что арач-
чевскіе клеветы, въ родѣ Бняжнинныхъ, Влейнжихомей и Фригеновъ,
«обязанные своимъ возвышеніемъ буквальному исполненію воли вре-
менщика», воскуряли емиамъ учрежденію, всѣмъ ненавистному; но
могъ-ли государь подоврѣвать, чтобы и близкіе къ нему люди гово-
рили ложь, восхваляя военныя поселенія?... Бнязь Допухинъ (сынъ
предсѣдателя государственнаго совѣта) писалъ, наприимѣръ, Арачче-
еву: «Я еще прошлаго осенью имѣлъ удовольствіе видѣть часть полка
Вашего Сіятельства. Мнѣ показалось, что все заводилось въ такомъ
совершенствѣ, что должно было не только хвалить, но и удивлять-
ся». Даже такой опытный въ военныхъ дѣлахъ человекъ, какъ Чер-
нышевъ (впослѣдствіи бывший военнымъ министромъ), не имѣвший,
повидимому, особенной надобности закисывать милостей Араччева,
и тотъ не удержался отъ льстиваго панегирика: «Со свойственною
мнѣ предъ Вашимъ Сіятельствомъ откровенностію долженъ сказать,
что всѣ вообще (?), не исключая и тѣхъ, которые желали бы, чтобы
было иначе, въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, бла-
госостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Воѣ (?) торжественно
говорятъ, что совершенство въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ
и экономической, превосходить всякое воображеніе. Иностранцы не
опомнятся еще отъ зрѣлища для нихъ неожиданнаго. Полковника Ре-
дера (прусскаго) въ особенноти плѣнило внутреннее устройство и
благосостояніе поселенныхъ войскъ въ домашней ихъ жизни (!) и
наружный видъ пятидесяти трехъ баталіоновъ, находящихся на ра-
ботахъ: онъ увѣрялъ меня, что, несмотря на труды ихъ и совер-
шенство по фронтовой части, онъ никогда и нигдѣ не видалъ столь
здоровыхъ лицъ и военной осанки, какъ въ сихъ войскахъ.... По-
слѣдствія нынѣшняго смотра мною мною неприятны (а выше говорится
о восторгѣ *вслух!*); разительное впечатлѣніе личнаго обозрѣнія унич-
тожаетъ коварныя замыслы и пресѣкаетъ всякій поводъ толковать
вещи по своимъ страстямъ. Откровенно доложу Вамъ, что лучшій
способъ захватить речъ такимъ людямъ есть показаніе имъ истины.
Каждый, кто побывалъ у Васъ, испыталъ оное надъ собою, и хотя

и были уже предубѣждены въ пользу новыхъ заведеній, но никогда не могли вообразить себѣ того, что дѣйствительно нашьетъ въ оныхъ...» За челоука стыдно, хотя подобное похвальное слово временнику. Въ столь же наипущенно-льстивомъ томъ изъяснялся предъ Аракчеевымъ даже графъ Кочубей, который, на будуща челоукомъ военнымъ и зависимымъ отъ Аракчеева, ужъ вовсе не имѣлъ надобности говорить ему угодное: «Обозрѣніе военныхъ поселеній было для меня совершенно неожиданно. И подлинно: какъ же придти въ удивленіе, сравнивая положеніе одной стороны Волхова съ другою, строеніе и прочее одного берега и противоположнаго. Я думалъ, объѣзжая поселенія, и потомъ, когда я переправился изъ оныхъ, что *земля какою-то революціею злобуса* (вѣроятно, земнаго шара) *перекинуло изъ области образованной въ какую-то варварскую страну*, ибо Ваше Сіятельство согласитесь со мною, хотя вы и новгородецъ, что, начавъ отъ какой-то вѣтряной мельнички, тутъ близко на боку стоящей, до самаго Подберезья, ничего нѣтъ похожего на только на произведеніе ума, но и рукъ человѣческихъ....»

Всего меньше можно было ожидать похвалы военнымъ поселеніямъ со стороны такого умнѣйшаго, смѣтлѣвшаго и прозорлѣвшаго государственнаго дѣятеля, какъ Сперанскій. А не устоялъ и Сперанскій. Надобно, впрочемъ, знать, въ какую пору своей жизни позволялъ онъ себѣ хвалить аракчеевое созданіе. Это было въ 1821 году, по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири. Надѣясь чрезъ поощреннаго временщика вновь попасть въ милость, Сперанскій принялъ на себя трудъ изложить общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы тѣмъ угодить не только Аракчееву, но и императору, и хотя отчасти примирить съ этимъ влосчастнымъ учрежденіемъ общественное мнѣніе. Въ началѣ 1825 года напечатана была, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, брошюра Сперанскаго: «*О военныхъ поселеніяхъ*», содержаніе которой историкъ излагаетъ довольно подробно, прибавляя, что «на этотъ панегирикъ самому ненавистному тогда учрежденію должно смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную авторомъ своему мнѣнію». Что Сперанскій говорилъ въ этой брошюрѣ противъ своего убѣжденія, доказываетъ стѣтъна въ его дневникѣ 1821 года послѣ объѣзда военныхъ поселеній. Онъ написалъ: «*fumus ex fulgore*». (*)

Но кто бы подумалъ, что почтенный графъ Алексѣй Андреевичъ,

(*) Авторъ оставилъ безъ перевода латинскую пословицу. Буквально, эти три слова значатъ: дымъ изъ молніи; смыслъ же пословицы призначаетъ, что тѣмъ дѣлаютъ, которыя сопровождаются блескомъ и трескомъ, а въ сущестѣ даютъ одинъ дымъ.

ненавидѣвшій журналистовъ, писателей и литераторовъ, какъ опасныхъ либераловъ, самъ вздумалъ сдѣлаться журналистомъ ради своихъ милыхъ военныхъ поселеній?... Явленіе, по истинѣ, удивительное— удивительное потому, что Аракчеевъ считалъ занятіе литературою *бездѣльемъ*, и, въ глазахъ его, всякій писатель, всякій литераторъ стоялъ неизмѣримо ниже послѣдняго безграматнаго писаря—кантониста. И этотъ-то баринъ предпринялъ періодическое изданіе, подъ названіемъ: **Семидневный листокъ военного поселенія учебнаго баталіона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка**. Первый номеръ диковиннаго аракеевского журнала вышелъ въ свѣтъ седьмого января 1823 года. Въ немъ, между прочимъ, помѣщены были «стихи на новый годъ», обращенные къ издателю. Вотъ что въ этихъ нелѣпныхъ виршахъ говорится по поводу объявленія объ изданіи журнала:

«Спажу издателю въ отвѣтъ
 Журнала война поселенна:
 Цѣль въ мирѣ есть твоя безцѣнна,
 Въ тьмѣ, чтобъ видѣть всю свѣтъ;
 Чтобъ въ немъ науки, чести, славы,
 Чтобъ благочестіе, вѣтки нравы
 Цвѣли какъ розы—крякъ весной»

Въ одной прозаической статьѣ объясняется цѣль журнала въ томъ же смыслѣ; «распространеніе въ любезномъ отечествѣ нашемъ корня наукъ и познаній, столь необходимыхъ для благоустроеннаго государства, которому оружіе доставляетъ свободу и независимость, науки же—улучшеніе и возвыщенность чувствъ».

Какое! Аракчеевскій журналъ хотѣлъ играть роль просвѣтителя Россіи и проповѣдывать о возвыщенности чувствъ!... *Où, diable, les sciences et l'humanité vont elles se nicher!*...

Для надписи при входѣ въ комнату, занимаемую кантонистами гренадерскаго графа Аракчеева полка, журналъ предназначилъ слѣдующія вирши:

«Хоть царь, хоть князь, хоть воинъ или судья,
 Узнай, что здѣсь живутъ нѣжнѣйшіе друзья (sic!):
 Любовь и искренность (?) связуетъ ихъ сердца.
 Ты знаешь, думаю, и счастья ихъ творца—А.»

Но перломъ, вѣросиамъ на почвѣ Парнаса военныхъ поселеній, должно признать идиллическій дѣярамбъ: «Пѣсня русскаго солдата при началѣ селенія войскъ»:

«Государь, всѣмъ землю давши,
 Намъ построилъ и дома;

Ружья въ руки только взявши,
 Въ дворъ ступай, да и живи!
 Лошадей, коровъ тамъ смещень,
 Баяъ пришелъ дають тебѣ,
 И все нужное увидишь,
 Все найдешь ты тамъ себѣ.
 Ты хозяинъ тогда воленъ,
 Не въ курной стоишь избѣ;
 Право, будешь всеѣмъ доволенъ,
 Что тутъ думать, брать, тебѣ?
 Мы ховяшекъ найдемъ тамъ,
 Коль захочетъ, для себя:
 Тамъ объ чемъ, друзья, тужить намъ;
 Живъ, сударушекъ любя».

Извѣстно, до какой возмутительной степени Аракчеевъ презиралъ общественное мнѣніе. Предпринимаемая изданіе *своею* журнала, не хотѣлъ ли онъ привлечь на свою сторону именно это мнѣніе, какъ бы сознавая въ глубинѣ души, что общественное мнѣніе есть сила поважнѣе силы временщика, что литература есть могущественное орудіе—болѣе могущественное, чѣмъ шпирутены. Однако журналистика не далась графу Алексѣю Андреевичу: ему легче было основать и развить военныя поселенія, чѣмъ упрочить существованіе военно-поселенскаго періодическаго изданія: мертворожденное дитя, оно умерло послѣ шести номеровъ. Да и кого могла интересовать такъ называемая «благонамѣренная» дребедень, которою наполнялся журналъ и надъ сочиненіемъ которой изощряли свои силы безграмотные и невѣжественные писаря и кантонисты?

При изслѣдованіи вопроса о государственныхъ выгодахъ отъ военныхъ поселеній, историкъ замѣтилъ, что эти выгоды оказались «болѣе или менѣе мнимыми»; слѣдовало бы просто сказать: «сметательными». Если въ нѣкоторыхъ округахъ число умершихъ превосходило число родившихся, то возможно ли было рассчитывать на возобновленіе вооруженныхъ силъ изъ среды поселеній? Правда, въ другихъ округахъ цифра родившихся превышала цифру умершихъ, но смертность взрослыхъ людей на казенныхъ работахъ доходила иногда до *десятой части* всего числа ихъ.... Даже допускная возможность умноженія вооруженныхъ силъ государства посредствомъ военныхъ поселеній, это могло быть достигаемо не иначе, какъ на счетъ другихъ, болѣе производительныхъ силъ. А хуже всего было то, что въ государствѣ возникала военная каста, то есть такое обособленное сословіе, не мнѣншее жерней въ общемъ народо-

населеніи страны, которое, какъ свидѣтельствуєтъ исторія, всегда и вездѣ сопровождало мятежи и насильственные перевороты. Эту истину подтвердили и наши поселенія въ 1831 году страшнымъ взрывомъ, который былъ только неминуемымъ послѣдствіемъ общаго неудовольствія, господствовавшаго въ поселенныхъ войскахъ не между одними нижними чинами, но и между офицерами.

Виды на нравственное улучшеніе военнoслужашихъ посредствомъ военныхъ поселеній не только не осуществились, но привели къ противоположнымъ результатамъ. По свидѣтельству современниковъ, нравственность была здѣсь въ крайнемъ упадкѣ. Да другаго продукта рабство и не даєтъ. А каково было рабство въ военныхъ поселеніяхъ, это мѣтко очертилъ историкъ въ немногихъ словахъ: «Изъ всѣхъ видовъ рабства едва-ли не самый тяжкій тотъ, который стѣсняетъ человѣка въ домашней его жизни, не давая ему и той ничтожной доли свободы, которая остается узнику за дверями темницы»... «А потому и не должно удивляться», прибавляетъ авторъ, «общему неудовольствію коренныхъ жителей (т. е. бывшихъ мужиковъ), терѣвшихъ одновременно невзгоды крестьянскаго и солдатскаго быта, и новыхъ поселенцевъ—солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія, принужденныхъ заниматься сельскими работами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строевыми обязанностями» (VI, 127). Въ этой—то средѣ развились, въ колоссальныхъ размѣрахъ, съ одной стороны шпіонство, съ другой побужденіе нижнихъ чиновъ къ доносамъ на начальниковъ, когда хотѣли замѣнить ихъ другими, что, разумеется, уничтожало всю дисциплину и разрывало связь между начальствующими и подчиненными. Жестокости и строгости было много, а дисциплины не было, и не могло быть. Инспектировавшие генералы спрашивали солдатъ: не заставляютъ ли ихъ работать въ праздники и не изнурительны ли самыя работы? Если начальника хотѣли удержать, то объявившихъ даже справедливую жалобу отдавали подъ судъ, а если рѣшили устранить кого-либо изъ начальниковъ, то жалобу принимали и начальника отдавали подъ судъ. Войска были деморализуемы самымъ начальствомъ... Начальники, получивъ свыше такія приказанія, которые могли возбудить ропотъ между нижними чинами, старались внушить солдатамъ, что еслибы не было приказано, то они не стали бы мучить людей. Главные же начальники старались выставлять себя защитниками солдатъ, а секретно приказывали не баловать ихъ, задавать уроковъ больше, высылать на работу (*) и

(*) Работы производились въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ 15-го апрѣля по 15-е октября, а конно-работія команды оставались на работахъ круглый годъ. До

но праздникамъ, и на вопросъ: «почему люди выведены на работу въ праздничный день?» отвѣчать: «это лѣнники, не отработавшіе своихъ уроковъ!...» Между тѣмъ, ближайшіе командиры говорили солдатамъ, что это они дѣлаютъ не по своей волѣ, и приказывали, если начальникъ спроситъ: «зачѣмъ вы лѣнитеесь?» отвѣчать громко: «впредь рады стараться!», обѣщая отшутить съ работы, если только уйдетъ начальникъ.... При такихъ безчестныхъ ухищреніяхъ, могли-ли солдаты уважать и главныхъ, и второстепенныхъ своихъ начальниковъ?... Въ свою очередь, и офицеры не могли дорожить подобною службою; но, въ ихъ несчастію, переходить изъ поселеній въ дѣйствующія войска было запрещено, и этого-то запрета, вѣсть съ невыносимыми оскорбленіями отъ начальниковъ, проказалъ безпримѣрное и нагланное въ русской арміи явленіе — *попыскъ офицеровъ изъ поселенныхъ войскъ*....

А Арачеевъ все продолжалъ успокоивать гоеудара, все продолжалъ увѣрять его, что «коренные жители обучаются всему по доброй волѣ, безъ принужденія», что «жалобъ и неудовольствій ни отъ кого принесено не было», что «сосѣднія селенія съ похвадою отзываются о поселенныхъ баталіонахъ», что «все люди смиренны, учтивы и сибковны», и т. д. Ложь Арачеева была тѣмъ безстыднѣе и омерзительнѣе, что самыя донесенія подчиненныхъ ему начальниковъ переполнены случаями скоростипной смерти будто бы «отъ апоплексическаго удара» («то-есть», замѣчаетъ историкъ, «по всей вѣроятности, вслѣдствіе жестокихъ наказаній») и самоубійствъ «безъ всякой причины». Въ теченіе одного 1821 года, въ военныхъ поселеніяхъ было, *по офиціальнымъ донесеніямъ*, шестьдесятъ девять случаевъ скоростипной смерти и двѣнадцать самоубійствъ.... «А сколько могло быть ихъ на самомъ дѣлѣ?...» спрашиваетъ историкъ.

(Окончаніе будетъ.)

1821 года включительно, солдаты работали по шестью дней въ недѣлю; но почему чрезмѣрная смертность между ними заставила ограничить работы пятью днями въ недѣлю. О количествѣ же войскъ, высланныхъ на работы, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1825 году назначено было на работы военныхъ поселеній: 92 пѣхотныхъ и 6 военно-рабочихъ баталіоновъ, 20 артиллерійскихъ ротъ, всего 32,375 человекъ; кромѣ того, 5 гренадерскихъ и 2 карабинерныхъ дѣйствующихъ баталіоновъ, въ числѣ 4,900 человекъ, такъ что, въ общемъ итогѣ, выслано было на работы до тридцати восьми тысячъ человекъ.